

(Продолжение.)

Начало в № 126.

СУДИ ПО ДОКУМЕНТАМ, во время нахождения в пленах Крупп фон Боле и другой бывший сотрудник германской миссии при Альбрехт фон Гогенцоллерн готовились совершить побег. Подготовка оказалась раскрыта, и сын немецкого промышленника оказался начальником Бутырской тюрьмы, а затем на Урале. Вначале он трудился разнорабочим на строительстве жилых домов в Детярске, а затем был старшим врачом зоны. В справках о нем отмечалось, что «фон спрятал установивший порядок и выполнял любую порученную работу».

За годы нахождения в Свердловской области заключенные лагеря № 476 построили немало объектов. Среди них — жилые дома, магазины, склады, школы, детские сады, дороги. Это селогородки и дворцы культуры в Детярске, Первоуральске, Ревде, жилые массивы на Химмаше и Вторчермете, мост по ул. Берлинского издание пожарно-технического училища в г. Екатеринбурге, стадион в Первоуральске. Возле они и ряд предприятий — завод ЖБИ в Абесте, бетонозавод и завод РТИ в Екатеринбурге, Первоуральскую ТЭЦ и др.

Разумеется, добросовестно трудились далеко не все. Некоторые отказались. Среди них — бывший командир танкового полка полковник Ганс Герцог. Он был осужден на 25 лет ИТЛ за участие в карательных операциях против советских граждан в Белоруссии. За отказ трудиться его неоднократно подвергали тюремному заключению, но к работе он так и не приступил. Еще больший «войножник» список у Людвига Фигля, австрийца по национальности, служившего в конце войны рядовым в германской армии. Первый раз он был осужден за дезертирство во время работы на Мурманской городской электростанции, когда сбросил ватонетку в шахтодержавин и выбежал из строя. Второй раз — когда бежал из лагеря в Белоруссии и около года находился на нелегальном положении, в третий — когда вступил в подпольную организацию в г. Детярске, пытавшуюся организовать крупный побег. В мае 1955 г. Л. Фигль отказался выходить на работу и потребовал отпустить его домой. Были и другие «отказники».

■ СТРАНИЦЫ НЕИЗВЕСТНОЙ ИСТОРИИ СОЛДАТЫ ВЕРМАХТА В РАБОЧИХ СПЕЦОВКАХ

лет категорий работ за то, что он имел в своем хозяйстве привезенных из СССР советских граждан, включая их корма и заставлять работать. Крупп фон Боле получил 25 лет ИТЛ за личное знакомство с руководителями Германии и участие в нападении на СССР.

В первой половине 1954 г. численность заключенных в лагере достигла максимума, а затем стала сокращаться. В Ивановскую область в лагерь № 48 отправили всех генералов, в Бородинскую область — 76 испанцев из «Голубой дивизии». Небольшие группы немцев отправлялись в ГДР. Однако массовая депортация началась лишь весной 1955 г.

В АПРЕЛЕ 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об амнистии и репатриации осужденных австрийских граждан. На Дальнем Востоке собирали для последующей депортации всех граждан Китая, Кореи, Монголии и поданных Японии, в Свердловской области — граждан Австрии и Германии и частично Болгарии и Румынии и в Мордовии — всех остальных.

В этих сборных пунктах устанавливались облегченный режим содержания (снимали винты, убрали стяжки, собак) и спокойно приводили их в образцовый порядок. Ту же в начале мая в четвертом лагерном отделении в Ревде из Иркутской тюрьмы и лагерей ГУЛАГа стали поступать осужденные австрий-

ские граждане. Все они прошли медицинский осмотр и были поставлены на усиленное питание. Сбор австрийцев был завершен 14 мая, а на следующий день им было объявлено об амнистии и освобождении. В лагере № 476 осталось лишь 65 иностранцев, исключенных из списков на депортацию. Это были сотрудники разведки и тайной полиции. Для них свобода пришла позднее.

Следует отметить, что в отношении военнопленных израильская сторона стремилась обеспечить международные нормы милосердия. В плен попадали раненые, больные,

изможденные в окружениях. Поэтому медицинскому обслуживанию придавалось особое внимание. На окраине Нижнего Тагила в 1947 г. был развернут передислокированный спец госпиталь МВД СССР № 2929. За три года своего существования в нем вылечено более 5000 человек, что составляло 96 процентов поступивших на лечение.

ЕСТЕСТВЕННО, не обоходилось и без смертей. Судя по публикумым данным, из общего числа зарегистрированных органами внутренних дел Союза 412696 военнослужащих вражеских армий, взятых в плен, умерло в плену по различным причинам 580548. Десятки тысяч их навсегда остались в уральской земле.

Наибольшее число умерших приходится на 1945 год. Тогда по нашей области умерли 8300 военнопленных, из них 5100 имели причину смерти «диатрофия», 1300 — «вспышка легких» и 600 — «туберкулез». Особенно высокая смертность наблюдалась в Надельлаге.

В последующие годы смертность уменьшалась: в 1946 г. — 2013 человек, в 1947 г. — 630, 1948 г. — 212. Сказывалось улучшение быта в лагерях и питания заключенных в них. Самые военнопленные установили высокую дисциплину и порядок, с продуктами помогал Красный Крест. При каждом лагере, как правило, было свое кладбище, воинское и на общей гражданской. Многое было смыто падающим

(Окончание на 4 стр.)

СОЛДАТЫ ВЕРМАХТА В РАБОЧИХ СПЕЦОВКАХ

(Окончание.)

Начало на 3 стр.)

военнопленных похоронено на гражданских кладбищах в Верхней Туре, Детярске, Каменске-Уральском и других городах. Случалось, что здесь похоронены умершие в 1954—1955 гг., полковники Густав Шильдинг из Дрездена и Франц Хинтермаер из Вены, подполковники Пауль Мелинг и Эрих Май из Германии, капитаны Поль Освальд из Блюменау и Петер Крауз из Керна, генерал-лейтенант Роберт Майннер и другие.

Однако все же решимся утверждать, что основную часть умерших пленных хоронили в соответствии с международными нормами. И дело здесь не в соблюдении положений Женевской конвенции, которую СССР постоянно нарушал, и тем более не в признании каких-либо норм морали, ведь хорошо известно, как тогда хоронили даже своих. Причина, на наш взгляд, заключалась в имперских практиках, заключенные нашей страной международные договоры. Нам также должно быть понятно и нормальное человеческое желание родственников умерших в советском плену побывать на могилах их родных.

Разумеется, всего уже не восстановить. Но многое можно еще сделать. Это и сохранение оставшихся воинских захоронений, и создание на территории областей памятного места, можно условно назвать его мемориалом, запечатлеть туда фамилии всех умерших в плену. Работа по подготовке башкирских национальных союзников в других странах. Поэтому им и обеспечивалось более-менее спокойное существование.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ основной части военнопленных и интернированных и ликвидации лагерей положение меняется. Воинские кладбища органы МВД передают местным Советам, которые должны были содержать их в порядке. Однако из-за недостатка средств, а часто и по идеологическим соображениям последние этим вопросом занимались мало. Кладбища в районах поселка Талица в 177 могилах оказались без при-

В. МОТРЕВИЧ,
кандидат
исторических наук.